

Р. ДАРЕСТЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

П О

ИСТОРИИ ПРАВА.

(ÉTUDES D'HISTOIRE DU DROIT).

ПЕРЕВОДЪ Н. Н. Чеботаревскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

1894.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Отъ переводчика	I—II
Предисловіе автора	III—VIII
I. Египетъ	1— 16
II. Израильское право	17— 46
III. Мусульманское право	47— 61
IV. Древніе браманскіе кодексы	62— 91
V. Древнее право персовъ.	92—107
VI. Арменія, Георгія и Кавказъ.	108—142
VII. Древнее Славянское право. Чехи	143—163
VIII. Древнее Славянское право. Поляки	164—184
IX. Древнее Славянское право. Русскіе	185—200
X. Древнее Славянское право. Южные славяне.	201—223
XI. Древніе памятники Венгерскаго права	224—252
XII. Древнее Скандинавское право. Швеція.	253—277
XIII. Древнее Скандинавское право. Данія	278—289
XIV. Древнее Скандинавское право. Норвегія.	290—309
XV. Древнее Скандинавское право. Исландія.	310—322
XVI. Кельтское право. Ирландія.	323— 346
XVII. Древнее Германское право Салическій законъ	347—378

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Переводъ настоящей книги объясняется какъ высокимъ интересомъ предмета, которому она посвящена, такъ и виднымъ мѣстомъ, которое авторъ ея занимаетъ среди ученыхъ юристовъ.

Едва ли нужно говорить объ успѣхахъ, достигнутыхъ, за послѣднія десятилѣтія, наукою права, при помощи сравнительно-историческаго метода изслѣдованія. Вполнѣ отрѣшившись отъ прежняго взгляда на положительное право, какъ на слѣдствіе мистическихъ, внѣобщественныхъ и произвольныхъ причинъ, современная наука, изучая законодательные памятники различныхъ эпохъ и народовъ, имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи достаточное количество данныхъ, чтобы приступить, такъ сказать, къ созданію естественной исторіи юридическихъ фактовъ, или къ выясненію свойствъ соціальнаго организма, человѣческой природы и окружающей среды, подъ вліяніемъ которыхъ эти факты зарождались, видоизмѣнялись и исчезали. Новое движеніе въ наукѣ права ознаменовалось на Западѣ появленіемъ обширной спеціальной литературы. Многие изъ выдающихся юристовъ занялись разработкою и приведеніемъ въ порядокъ матеріала, добытаго кропотливыми разысканіями этнологовъ, филологовъ и археологовъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ научныхъ центрахъ Европы открылись курсы исторіи древнихъ законодательствъ.

Менѣе всего это движеніе замѣтно у насъ. За исключеніемъ очень небольшого числа работъ, которыя посвящены

исторіи учрежденій какой-либо отдѣльной народности и между которыми слѣдуетъ, прежде всего, указать на капитальныя изслѣдованія проф. Ковалевскаго о юридическомъ бытѣ кавказскихъ осетинъ и пшавовъ,—русскіе юристы, до сихъ поръ, ничѣмъ не заявили своего участія въ сравнительно-историческомъ изученіи права. Что же касается юристовъ-студентовъ, то едва ли можно утверждать, чтобы между ними былъ, въ какой-бы то ни было степени, возбужденъ интересъ къ такому изученію.

Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ въ русской юридической литературѣ, мы рѣшились перевести «*Études d'histoire du droit*» извѣстнаго Родольфа Дареста, члена французскаго Института и президента Парижскаго Общества сравнительнаго Правовѣдѣнія. Въ сжатомъ, но весьма содержательномъ изложеніи этой книги заключаются обзоры законодательныхъ памятниковъ и обычаевъ 19-ти различныхъ народностей.

Научныя достоинства предлагаемаго сочиненія подробно перечислены въ статьѣ проф. Зигеля, помѣщенной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за февраль 1889 года. Мы же, съ своей стороны, ограничимся указаніемъ на богатство матеріала, находившагося въ распоряженіи автора и на крайнюю осторожность сдѣланныхъ имъ обобщеній.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Въ этой книгѣ собраны наши статьи и доклады, печатавшіеся въ 1880—1887 годахъ въ *Journal des Savants* и въ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*. Назначеніемъ ихъ было — ознакомить Францію съ тѣми важными работами, которыя за послѣднее время предприняты были въ главныхъ странахъ Европы и предметомъ которыхъ служили памятники древняго права. Для того, чтобы представить, въ существенныхъ чертахъ, исторію древняго права какъ у народовъ, которые принято называть семитическими, такъ и у народовъ великой индоевропейской семьи, мы довольствовались обзорѣніемъ этихъ памятниковъ и распредѣленіемъ ихъ въ методическомъ порядкѣ.

Мы начинаемъ съ Египта, оставляя въ сторонѣ Ассирію и Халдею, памятники которыхъ, многочисленные и очень интересные, такъ какъ они восходятъ къ XXIV столѣтію до нашей эры, остаются до сихъ поръ не вполне и не окончательно разъясненными. Къ сожалѣнію, мы должны были отказаться и отъ обобщеній, которыя, при настоящемъ состояніи науки, были бы преждевременны. Иное дѣло — Египетъ. О немъ мы знаемъ гораздо больше, отчасти по рассказамъ древнихъ писателей, а отчасти благодаря актамъ и подлиннымъ памятникамъ, которые дошли до насъ въ большомъ количествѣ и толкованіе которыхъ уже не подвергается никакимъ сомнѣніямъ. Затѣмъ, мы переходимъ къ евреямъ, гражданское законодательство которыхъ никогда не было удовлетворительно объяснено. Законъ Моисея приводитъ насъ къ закону Магомета, который беретъ начало отъ перваго и, распространившись на значительной части земного шара, въ настоящее время вступаетъ повсюду въ соприкосновеніе и въ борьбу съ европейскимъ правомъ.

Древнѣйшій первообразъ европейскаго права находится въ Индіи. Наши новѣйшіе языки спустились съ плоскогорьевъ Верхней Азіи, прошли черезъ санскритъ и зендъ и приняли форму, съ одной стороны, латинскаго и греческаго языковъ, а съ другой — славянскаго, скандинавскаго и нарѣчій кельтскихъ и германскихъ. Тою же дорогой шло и право. Движеніе его можно прослѣдить, начиная съ Браманскихъ кодексовъ и съ Авесты и кончая окраинами Европы. Это право, какъ и понятія, выразителемъ которыхъ оно служитъ, мы узнаемъ въ обычаяхъ Арменіи или Кавказа, и въ судебныхъ книгахъ, написанныхъ въ средніе вѣка для Россіи, Швеціи, Норвегіи или Ирландіи. Его же слѣды видны и въ законахъ, составленныхъ въ XVIII и даже XIX столѣтіяхъ для Грузіи и Черногоріи.

Изданные въ V—IX столѣтіяхъ законы варваровъ не могли быть обойдены молчаніемъ въ этомъ сравнительно-историческомъ изслѣдованіи. Мы разсматриваемъ ихъ, изслѣдуя древнѣйшій и важнѣйшій образчикъ ихъ — Салическій законъ. Остальныхъ германскихъ законовъ мы не касаемся какъ по тому, что они давно извѣстны, такъ и по тому, что у всѣхъ имѣются подъ руками сочиненія, предметомъ которыхъ послужили эти законы.

Однако, въ длинной цѣпи предпринятыхъ нами изслѣдованій недостаетъ двухъ, безспорно наиболѣе цѣнныхъ, звеньевъ — изслѣдованій о греческомъ правѣ и о римскомъ правѣ; но этотъ пробѣлъ оправдывается обстоятельствами. По отношенію къ греческому и римскому праву, вновь открытые тексты до такой степени полны и обильны, такъ увеличилось число предметовъ, подлежащихъ сравненію, а вытекающія изъ этихъ сравненій новыя точки зрѣнія сдѣлались столь продуктивными, что, для обстоятельнаго изложенія греческаго и римскаго законодательствъ, недостаточны были бы одна или двѣ главы, которыя можно было бы отвести въ настоящемъ трудѣ. Сокращенное же изложеніе принесло бы, въ этомъ случаѣ, мало пользы. По этимъ-то причинамъ мы предпочли посвятить полному изслѣдованію упомянутыхъ двухъ законодательствъ особую книгу, которая должна будетъ выйти впослѣдствіи и служить дополненіемъ къ настоящей.

Между тѣмъ, мы надѣемся, что изслѣдованія, издаваемые теперь вновь, послѣ тщательнаго пересмотра и дополненій, могутъ способствовать успѣхамъ науки права, которая въ настоящее время

больше, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ расширеніи своего основанія и въ увеличеніи своего поля зрѣнія.

Съ правомъ теперь происходитъ то, что, въ началѣ нашего столѣтія, случилось съ наукою о языкѣ. Когда сдѣлался извѣстнымъ санскритскій языкъ и когда открыты были законы преобразованія языка въ зависимости отъ времени и мѣста, то выяснилось, что для прогресса науки недостаточно чистаго мышленія и что изучать одинъ какой-нибудь языкъ, хотя бы это былъ греческій или латинскій, значитъ понапрасну терять время. То же относится и къ наукѣ о правѣ. Она сбивается съ истиннаго пути, если предается одному отвлеченному мышленію; она только видитъ, но не понимаетъ, если ограничивается изученіемъ одного какого-нибудь законодательства, будутъ ли это Дигесты или Code civil. Полное пониманіе станетъ для нея доступнымъ лишь тогда, когда ей будетъ знакомъ каждый законодательный памятникъ, когда она сравнитъ ихъ между собою и обниметъ ихъ во всей ихъ совокупности. Только при помощи этого метода, она будетъ въ состояніи отличить, во всякомъ учрежденіи, элементъ безусловный, происходящій изъ самой природы человека и имѣющій свое основаніе въ разумѣ, отъ элемента относительнаго, измѣняющагося до безконечности подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Самое это измѣненіе, эта эволюція, какъ теперь говорятъ, совершается всюду по извѣстнымъ законамъ, которые выдѣляются и становятся очевидными чрезъ взаимное сравненіе. Поэтому-то право составляетъ науку, а не сборникъ рѣшеній и текстовъ, не простое эмпирическое знаніе. Стало быть, не пустое любопытство и не страсть къ безплодной эрудиціи приводитъ юриста, сверхъ знакомства съ классическими памятниками права, еще къ изученію текстовъ Ману и Зороастра, Русской Правды и Грагаса. Шествуя по этому пути, наука только повинуетъ неоспоримой необходимости.

Вдобавокъ эти взгляды не новы. Ихъ знала и вводила въ жизнь древность. Аристотель высказалъ ихъ въ своей несравненной Политикѣ и, во всѣ времена, великіе умы не переставали слѣдовать имъ и проповѣдывать ихъ. Если эти взгляды до сихъ поръ не имѣли особенно важныхъ послѣдствій, то только за недостаткомъ положительныхъ данныхъ. Но обстоятельства перемѣнились. Прежде было мало документовъ, въ настоящее время ихъ слишкомъ много. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и даже на крайнемъ Востокѣ, откапываютъ и доводятъ до свѣдѣнія всѣхъ старинные памятники

права, наблюдаютъ и записываютъ древніе обычаи. Матеріалы накопляются. Остается только пользоваться ими, что однакоже не совсѣмъ легко. Самое обиліе текстовъ и многочисленность языковъ, служащихъ выраженіемъ этихъ текстовъ, являются препятствіями, преодолѣть которыя возможно только цѣною долгихъ усилій. Но ничто не въ силахъ остановить движеніе науки и, хотя остается еще многое сдѣлать, однако и теперь замѣтна важность достигнутыхъ результатовъ.

И первый фактъ, который новѣйшія изслѣдованія выставили въ его истинномъ значеніи, представляетъ сродство, если не тождество, различныхъ первобытныхъ законодательствъ. Изумительныя открытія въ области филологіи доказали общее происхожденіе большей части европейскихъ нарѣчій и связь послѣднихъ съ древними, теперь мертвыми, языками Индіи и Персіи. Еще ближе оказывается родство между законодательствами. Они не только всѣ подвержены одинаковымъ перемѣнамъ, но нерѣдко одно законодательство воспроизводитъ, черта въ черту и почти слово въ слово, другое, отдѣленное отъ него огромными разстояніями и долгимъ промежуткомъ времени, при чемъ, конечно, устраняется всякое предположеніе о возможности прямого позаимствованія. Для объясненія этого сходства, которое не можетъ быть случайнымъ, необходимо допустить или то, что оба народа были одного происхожденія и, слѣдовательно, имѣли общія преданія, или то, что отъ одинаковыхъ причинъ всегда происходятъ одинаковыя послѣдствія.

Другой, не менѣе важный, результатъ научнаго изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ: никакое законодательство не даетъ полнаго объясненія относительно самого себя. Римскіе юристы, у которыхъ, разумѣется, не было недостатка ни въ проницательности, ни въ умѣ, все-таки не могли дать себѣ отчета въ историческомъ развитіи ихъ собственныхъ учрежденій и это потому, что они не достаточно вглядывались въ окружающее ихъ. Хотя современная наука, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, поставлена лучше, но по той же самой причинѣ и она до сихъ поръ достигла небольшого успѣха. Гдѣ нужно возстановить движеніе права путемъ индукціи и при помощи разбросанныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, тамъ, въ особенности, невозможно бываетъ миновать аналогію. Всегда позволительно думать, пока не будетъ доказано противное, что различные

народы слѣдовали по одному и тому же пути и прошли одинаковыя ступени развитія.

Наконецъ, послѣдній фактъ, на который слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, заключается въ томъ, что ни одинъ народъ не можетъ присвоивать себя то или другое учрежденіе, считая послѣднее своимъ національнымъ и самобытнымъ твореніемъ. греки, римляне, кельты, славяне, германцы и всѣ остальные европейскіе народы имѣли, на самомъ дѣлѣ, одни и тѣ же понятія о правѣ и справедливости, хотя выражали ихъ не всегда одинаковымъ способомъ. Если въ какое-нибудь время и обнаруживалась разница въ этихъ понятіяхъ, то только потому, что одни народы шли быстрѣе другихъ, но всѣ они шли по той же самой дорогѣ. Когда утверждаютъ, что нашествіе варваровъ ввело новый элементъ въ римскую цивилизацію, то это утвержденіе справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что между римлянами и варварами лежало большое разстояніе; но новые пришельцы не принесли съ собою ничего такого, чѣмъ бы не было когда-то пережито ихъ предмѣстниками. Возьмемъ для примѣра хоть то обстоятельство, что кровная месть и система денежныхъ наказаній, изчисляемыхъ по опредѣленному тарифу, встрѣчаются не въ однихъ законахъ варваровъ. Ихъ находятъ при началѣ всѣхъ цивилизацій и слѣды ихъ имѣются также въ первобытномъ Римскомъ правѣ. Въ этомъ смыслѣ было бы справедливѣе утверждать, что нашествіе варваровъ отодвинуло цивилизацію на нѣсколько вѣковъ назадъ. Въ виду фактовъ, уже нельзя теперь проповѣдывать, какъ это дѣлалось еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, будто европейская цивилизація происходитъ изъ двухъ источниковъ, — римскаго и германскаго, равно и относить на счетъ германскаго вліянія все то, чего нѣтъ въ текстахъ римскаго закона. Это заблужденіе могло быть, до извѣстной степени, извинительнымъ въ ту эпоху, когда, сверхъ *Corpus juris*, знали только законы варваровъ. Но, въ настоящее время, благодаря усиліямъ новѣйшей науки, точка зрѣнія совсѣмъ измѣнилась и всякая вещь заняла свое мѣсто. Одинъ авторъ, отличающійся, впрочемъ, точностію и образованіемъ, Гакстгаузенъ, еще въ 1850 году приписывалъ кавказскимъ осетинамъ германское происхожденіе на томъ единственномъ основаніи, что у нихъ встрѣчается нѣчто похожее на *wergeld*. Такъ какъ никто не спорилъ противъ этого вывода, то оставалось объяснить, какимъ образомъ этотъ маленькій народъ перенесся съ

береговъ верхняго Дуная къ подножію Эльборуса, но и тутъ воображеніе помогло отыскать маршрутъ. Однако, спѣшимъ прибавить, въ настоящее время, даже въ Германіи, нѣтъ ни одного человѣка, который поддерживалъ бы мнѣніе Гакстгаузена.

Кажется, нѣтъ больше надобности доказывать пользу настоящихъ изслѣдованій. Но нужно ли еще сказать о томъ, что мы не желали написать общую исторію права? Довольно далеко то время, когда можно будетъ предпринять это великое дѣло; но ничто не мѣшаетъ и теперь уже намѣтить цѣль, собрать матеріалы, освѣтить, посредствомъ правильнаго анализа, изданные учеными различныхъ европейскихъ странъ памятники законодательства, однимъ словомъ, составить краткое описаніе найденныхъ сокровищъ, указавши бѣгло на идеи, выдѣляющіяся изъ массы исполненныхъ работъ. Этого будетъ достаточно, чтобы направить въ эту сторону любознательные умы, которые ищутъ своего пути и которые вмѣсто того, чтобы ограничиваться повтореніемъ уже сказаннаго, могутъ съ бѣльшею пользою употребить свои силы и подвинуть впередъ науку права.

I.

Е г и п е т ъ.

Около семидесяти лѣтъ тому назадъ, найдены были въ землѣ всѣ документы на право собственности, принадлежавшіе какой-то египетской семьѣ временъ Птолommeевъ и уложенные, по восточному обычаю, въ кувшинѣ. Эти документы, писанные—одни по-гречески, другіе на туземномъ нарѣчій демотическими буквами, проданы были частями европейцамъ и разошлись преимущественно по музеямъ и публичнымъ библіотекамъ Парижа, Турина, Лондона, Лейдена, Берлина и Вѣны. Съ тѣхъ поръ наши коллекціи чрезвычайно обогатились новыми находками въ томъ же родѣ. Въ настоящее время имѣется больше двухсотъ документовъ, дешифрованныхъ и объясненныхъ такими учеными, какъ Летроннъ или Амедей Пейронъ; сборники, въ которыхъ они помѣщены, сдѣлали ихъ доступными для всѣхъ ¹⁾. Сперва разобраны были греческіе тексты а по-

¹⁾ Вотъ указаніе на важнѣйшіе сборники:

Les papyrus grecs du Musée du Louvre et de la Bibliothèque impériale, publication préparée par Letronne, exécutée par Mm. Brunet de Presla et Egger, 1 vol., in-4°, Paris 1866. (Извлечено изъ т. XVIII *Notices et extraits des manuscrits*).

Papyri graeci Regii Taurinensis musei Aegyptii, editi atque illustrati ab Amedeo Peyron. Taurini, 1826 et 1827, in-4°.

Papyri Greco-egizi di Zoide, dell'imperiale reale museo di Vienna, illustrati da Amedeo Peyron. Torino, 1828, in-4°.

Papyri graeci musei antiquarii publici Lugduni Batavi. Regis augustissimi jussu edidit, interpretationem latinam, annotationem, indicem et tabulas addidit C. Leemans, Lugd. Bat., 1843—1885, in-4°.

Papyri greci del museo Britannico di Londra e della bibliotheca Vaticana, tradotti ed illustrati da Bern. Peyron. Torino, 1841, in-4°.

Revue égyptologique, publiée sous la direction de Mm. H. Brugsch, F. Chabas et E. Revilloux. Paris, in-8°, 1880—1887.

томъ дошла очередь и до демотическихъ текстовъ, которые теперь, благодаря трудамъ Бругша и Е. Ревилью, правильно читаются и переводятся. Документовъ этихъ довольно много и значеніе ихъ важно, а потому можно думать, что наступило время для составленія, по этимъ документамъ, очерка египетскаго законодательства. Картина была бы полнѣе, когда бы нашлись тѣ восемь книгъ, въ которыхъ, по словамъ Діодора, заключался кодексъ всѣхъ египетскихъ законовъ и которыя раскрывались передъ судьями въ залѣ засѣданій высшаго суда. Но если находящіеся передъ нами акты и не знакомятъ насъ съ подлинными словами законодателя, то они все-таки показываютъ, какъ производились дѣла и говорятъ на языкѣ, который, можетъ быть, болѣе доступенъ нашему пониманію, чѣмъ языкъ египетскаго закона.

Въ самую раннюю эпоху исторіи, древній Египетъ представляется обществомъ, которое подчинено опредѣленному образу правленія,—монархіи, опирающейся на касты и имѣющей жреческій характеръ. Право мести уже исчезло, не оставивъ по себѣ никакого слѣда и никакого воспоминанія; поклоненіе предкамъ составляетъ долгъ, который выполняется семьей при посредствѣ жреческаго сословія. Патріархальное устройство семейства, власть главы его надъ женами, дѣтьми и рабами, признаваемая и смягчаемая правами, собственность, принадлежащая цѣлому семейству и, вслѣдствіе того, почти не отчуждаемая,—таковы основныя черты первобытнаго египетскаго общества. При царяхъ-пастухахъ, преимущественно же въ правленіе Рамессидовъ, военная каста дѣлается господствующею. Званіе царя даетъ себя чувствовать сильнѣе, и собственность преобразовывается въ томъ смыслѣ, что верховное обладаніе землею раздѣляется между царемъ и двумя высшими кастами, то есть, кастою жрецовъ и кастою воиновъ. Иной порядокъ наступаетъ въ VIII столѣтіи до нашей эры.

Царь Бокхорисъ объявляетъ свободу договоровъ, и въ это-то

Chrestomathie démotique et Nouvelle chrestomathie démotique, par M. E. Revilloux. Paris, in-4°, 1878 et 1880.

Le procès d'Hermias, d'après les documents démotiques et grecs, par M. E. Revilloux. Paris, in-4°, 1882.

Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides, par Giacomo Lumbroso, docteur en droit, I vol., in-8°, Turin, 1870.

время начинается настоящая юридическая жизнь. Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ не относится къ болѣе раннему періоду. Но съ этого времени они попадаютъ очень часто. Тутъ мы видимъ, что вліяніе кастъ ослабѣло, кругъ семьи сдѣлался болѣе тѣснымъ, а власть главы ея подверглась ограниченіямъ; первобытная общность разрушилась благодаря раздѣламъ имущества, собственность переходитъ изъ рукъ въ руки посредствомъ отчужденій, для дѣйствительности которыхъ достаточно участія и согласія жены и дѣтей, и даже духовное завѣщаніе появляется въ формѣ усыновленія.

Предшествовавшій порядокъ зналъ только обязательства, вытекающія изъ извѣстныхъ фактовъ или отношеній. По кодексу Бокхориса обязательства устанавливаются преимущественно свободною волею человѣка. Все, даже семейныя отношенія, входитъ въ гражданскій оборотъ и дѣлается предметомъ договора.

Бракъ, судя по актамъ, представляется обыкновеннымъ договоромъ между двумя лицами, дѣйствующими всецѣло по собственной волѣ. Женщина договаривается отъ своего имени; ни отецъ, ни родня, ни опекуны не служатъ при этомъ ея представителями и даже не сопровождаютъ ее. Къ ней одной обращается женихъ съ рѣчью, въ которой обѣщается признавать ее женою. Онъ даетъ ей одну или нѣсколько монетъ, составляющихъ какъ бы задатокъ по договору и опредѣляющихъ размѣръ содержанія, которое онъ обязывается выдавать ей, въ годъ или мѣсяцъ, на одежду, ежедневные расходы и проч. Если у будущей жены имѣется свое имущество, то она останется собственницею и распорядительницею его внѣ всякихъ притязаній на него со стороны мужа, а для обезпеченія сохранности этого имущества составляется на движимость инвентарь съ показаніемъ цѣны ея; во всякомъ случаѣ налагается ипотека на имущество мужа, какъ наличное, такъ и будущее. Иногда мужъ самъ передаетъ все свое состояніе женѣ. По меньшей же мѣрѣ, онъ назначаетъ ей приданое или признаетъ за ней такой вкладъ въ общее ихъ имущество, котораго въ дѣйствительности у нея не было. Этотъ порядокъ освящалъ такимъ образомъ, безусловную свободу жены, или, лучше сказать, ея власть въ семьѣ. Греки съ трудомъ понимали эту власть и съ удивленіемъ относились къ ней ¹⁾.

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій, въ бытность свою въ Египтѣ, вполне правильно замѣтилъ слѣдующее: «Въ контрактахъ о приданомъ, совершенныхъ между

Однако же, права жены не остались безъ ограниченій. У будущаго мужа, если только онъ не принадлежалъ къ корпораціи жрецовъ, не отнималось право имѣть и другихъ женъ на условіяхъ, подобныхъ описаннымъ. Полигамія являлась послѣдствіемъ свободы соглашеній. Свобода существовала и по отношенію къ разводу. Но будущая жена принимала въ этомъ случаѣ нѣкоторыя предосторожности. Хотя мужъ могъ разойтись съ нею, но долженъ былъ при этомъ выдать ей извѣстную сумму и обязывался дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ съ нею, сдѣлать наслѣдниками всѣхъ своихъ имуществъ, какъ наличныхъ, такъ и будущихъ. Это, впрочемъ, установлено было закономъ. Изъ договоровъ о продажѣ видно, что дѣти наслѣдовали отцу, безъ различія пола и, вообще, въ равныхъ доляхъ, за исключеніемъ добавочной части, назначавшейся для старшаго ¹⁾. Намъ также извѣстно, по свидѣтельствамъ древнихъ, что запрещено было подкидывать дѣтей; но это запрещеніе имѣло исключительный характеръ полицейской мѣры. Цѣль, которою въ этомъ случаѣ задавался законодатель, клонилась не столько къ сохраненію человеческой жизни, сколько къ увеличенію народонаселенія.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ неохотно приняли эти данныя. Въ самомъ дѣлѣ, что такое было у египтянъ — родъ гражданскаго брака или же религіозный бракъ? До послѣдняго времени ничто не привело къ разъясненію этой загадки. Правда, реестры, служившіе для распредѣленія налога и для отбыванія барщинныхъ повинностей, а равно для доказательства дѣторожденій, представляются какъ бы похожими на акты гражданскаго состоянія, но на эти записи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исполненіе полицейскихъ правилъ, не вліяющихъ на составъ семьи. Союзъ безъ формальностей, безусловная эманципація жены, независимость дѣтей ²⁾, отсутствіе всякаго различія между

частными лицами, всегда говорилось, что такъ какъ главенство надъ мужчиною принадлежитъ женщинѣ, то мужъ обязывается повиноваться той, на которой онъ женится» (Діодоръ, I, XXVII).

¹⁾ Эта прибавочная часть была, въ сущности, вознагражденіемъ старшему изъ дѣтей за то, что на немъ лежала обязанность быть представителемъ наслѣдства, пока оно еще не было раздѣлено, а также произвести раздѣлъ между всѣми сонаслѣдниками.

²⁾ Въ актахъ нѣтъ слѣдовъ согласія отца и матери на бракъ дѣтей.

побочными и законными дѣтьми, суть обыкновенныя, если не неизбежныя; послѣдствія полигаміи. Притомъ, прочно устроенныя семьи представляютъ силу, съ которою обыкновенно не уживается политическій деспотизмъ. Египетскіе монархи не считали выгоднымъ для себя ограниченіе свободы брачныхъ соединеній. Въ Египтѣ не знали даже никакихъ препятствій къ браку между родными, и чаще всего тамъ встрѣчались браки между братьями и сестрами.

Акты о продажѣ или о раздѣлѣ, скрытомъ подъ формою продажи, также не рѣдки, какъ и брачныя договоры. Они доказываютъ, что собственность имѣла почти такое же устройство какъ у насъ и подвергалась многочисленнымъ раздѣламъ, хотя, въ дѣйствительности, пользованіе ею нерѣдко оставалось общимъ между участниками раздѣла. Но переходъ права собственности и договоры, имѣющіе этотъ переходъ своимъ предметомъ, представляютъ у египтянъ кое-какія особенности. Эти особенности очень важно отмѣтить и разяснить, такъ какъ въ правѣ каждая формальность служить выраженіемъ извѣстной идеи, сущность которой должна быть указана наукою.

Переходъ права собственности совершался посредствомъ трехъ актовъ. Первый, или *актъ о деньгахъ*, есть соглашеніе между продавцемъ и покупателемъ; въ немъ указывается проданный предметъ и назначается полный платежъ цѣны, хотя никогда не упоминается цифра денегъ. Продавецъ обязуется дополнить продажу двумя послѣдующими актами, предоставить покупателю право собственности и, затѣмъ, охранять покупателя отъ всякой эвикціи, принимая на себя, въ случаѣ надобности, обязанность очистки. Второй актъ отличается религіознымъ характеромъ, это — актъ подтвержденія договора присягою, даваемою продавцомъ. Наконецъ, третій актъ происходитъ предъ судомъ и заключается въ томъ, что продавецъ вводитъ покупателя во владѣніе. Послѣ того имя покупателя вносится въ поземельныя книги на мѣсто имени продавца. Регистрація являлась формальностью чисто административнаго характера, а не дополненіемъ продажи, которая считалась окончательно совершеною посредствомъ трехъ вышеупомянутыхъ актовъ.

Женщина не выдавалась. Она сама себя выдавала, и будущіе мужья всегда стипулировали на ея собственное имя.